

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ
СБОРНИКА КОНСТАНТИНА РАУДИВЕ
«ВОССТАНОВИТЕЛИ ЭПОХИ»:
МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ

Андрей Гордин
(Рига)

Настоящая статья посвящена изучению влияния идей и мировоззрения Д. С. Мережковского на видного представителя латышской литературы 1930-х гг. Константина Раудиве. В основу анализа положена статья Раудиве «Д. С. Мережковский — религиозный человек» из сборника «Восстановители эпохи» (1976), которую мы рассматриваем в общем контексте восприятия писателя в инациональной, латышской, литературной среде. Мы также рассмотрим сходство представителей двух литератур — русской и латышской — в историко-литературном контексте первой половины XX в.

Константин Раудиве (1909–1974) — латышский писатель, переводчик, философ — играл видную роль в латышской литературе 1930-х гг. Раудиве закончил в Риге Духовную семинарию; получив поддержку Фонда культуры, долгое время учился в Европе (1930–1938). Он слушал лекции Мигеля де Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассета, которые в значительной степени повлияли на становление художественной системы писателя (см.: [Vārdaune: 478]). К этому времени относится один из первых опытов осмысления им наследия античности — работа «Греческая и римская мифология в искусстве» (“Grieķu un romiešu mīti mākslā”, 1931). Это сочинение стало одной из первых попыток научного осмысления мифологической составляющей в художественной литературе на латышском языке.

Вернувшись в Латвию, Раудиве активно занимается переводами (в основном с испанского). Ему принадлежит первый перевод на латышский язык романа Сервантеса «Дон Кихот» (конец 1930-х гг.), а также перевод работы Ортега-и-Гассета «Любовь и мудрость» (“Mīlestība un gudrība”, 1939) и романа Мигеля

де Унамуно «Туман» (“Migla”, 1939). Янис Клидзейс вспоминает, что «в кругу своих знакомых Раудиве называли никак не иначе, как “министром иностранных дел по вопросам культуры”»¹ [Zeile: 12] <Здесь и далее перевод с латышского языка мой. — А. Г.>.

Во время немецкой оккупации Латвии (1941–1944) Раудиве занимался литературной деятельностью. Он был литературным редактором газеты «Вестник Даугавы» (“Daugavas Vēstnesis”), публиковал в журнале «Даугава» (“Daugava”) очерки, посвященные творчеству писателей и философов (Ортега-и-Гассет, Достоевский). Писатель также выступал с публичными лекциями, готовил (совместно со своей супругой, писательницей Зентой Мауриней) собрание сочинений Гёте на латышском языке, переводил пьесы Сервантеса, в предисловии к изданию которых значительное место отводит творчеству Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского. С 1944 г. он Раудиве находится в эмиграции, проживает в Швеции и Германии, является видным представителем латышской литературной диаспоры.

Статья Раудиве о Мережковском, вошедшая в сборник «Восстановители эпохи», представляет собой характерный пример восприятия русского писателя в латышской литературной среде. Она вобрала в себя основные представления о Мережковском, которые сложились вокруг личности писателя к первой половине XX в.

Становление латышской национальной литературы проходило в тесной связи с представителями «Серебряного века» (см: [Sprōģe, Vāvere; Vurīma]). В типологическом плане творчество Мережковского (наряду с творчеством В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Ремизова и др.), его мировоззрение, художественные представления могут быть рассмотрены как эстетическая основа для формирования вкусов и литературных взглядов латышских модернистов.

Латышские писатели видели в Мережковском автора исторических романов. В предисловии к переводу романа «14 декабря» (“Dekabristi”, 1927) Волдемар Дзелтыньш (Voldemārs Dzeltiņš) отмечает:

¹ «Draugu lokā mēs viņu dēvējām par “ārlietu ministru kultūras jautājumos”».

Последняя часть исторической трилогии русского писателя Дмитрия Мережковского посвящена «первой попытке политической революции в России» — декабристскому восстанию 14 декабря 1825 года в Петербурге. Это мастерски написанный роман, в котором точные научные факты не отягощают читателя в своей последовательности. Медленно и определенно, в очень реалистичных тонах, автор выстраивает перед нами эту настоящую трагедию идеалистов, подлость Николая I, хитрость и предательство расправы, «лакейскую преданность» генералов, ужасы Петропавловской тюрьмы, а также общественные настроения той эпохи <...> Мережковский известен латвийскому обществу также по романам «Леонардо да Винчи», «Юлиан Отступник», «Петр и Алексей» и другим работам. Везде он показывает высокое мастерство в изображении эпох и их героев² [Dzeltniš: 5–14].

Дзелтыньш отмечает исторические параллели: «Надо признать, что идеалистов, подобных декабристам, история знает только в событиях 1905 года, близких латышскому народу <...> Декабризм стал понятием в большей степени международным»³ [Там же: 14].

² «Krievu rakstnieka Dimitrija Merežkovska vēsturiskās triloģijas pēdējais romans veltīts “pīrnam politiskās revolūcijas mēģinājumam Krievijā” — dekabristu nemieriem, 14. decembrī 1825. gadā, Pēterburgā. Lielā stīla meistarībā uzrakstītais romans, viņā sakopotie zinātniski pareizie fakti, savā virknējumā lasītājus neapgrūtinā. Lēni un noteikti, ļoti realos toņos, autors atveido mūsu priekšā šo īsto idealistu traģediju, cara Nikolaja I. zemsirdību, viltību un nodevīgo izrēķināšanos ar viņiem, ģeneraļu “sulinainisko pakalību”, Pētera-Pāvila cietokšņa kazematu šausmas, kā arī toreizējās sabiedrības noskaņojumu. Visai traģedijai, kurā iedziļinoties cilvēks nespēj palikt vienaldzīgs, kā saulains zelta pavediens cauraužas varonīgās sievietes pašizliedzīgā mīla, kas padara šo darbu vēl saistošāku, dzīvāku un gleznaināku <...> Bez tam latvju sabiedrībai bez šī romana ir pazīstami arī vēl citi Merežkovska darbi, kā “Leonardo da Vinči”, “Julians Atkritējs”, “Pēteris un Aleksejs” un citi. Visur viņš uzrāda vienlīdzīgu meistarību laikmetu un viņu varoņu attēlos».

³ “Ir jāatzīst, ka tādas idealistus kā dekabristi, vēsture saskata vienīgi 1905. gada notikumos, kuri latvju tautai tuvi <...> Dekabristi — šis jēdziens tik lielā mērā kļuvis par starptautisku”.

Романы Мережковского, по мнению латышской критики начала века, отвечают критериям жанра исторического романа⁴. Однако этот вектор восприятия постепенно изменяется. После событий 1917 г. и эмиграции Мережковского образ писателя дополняется его характеристикой как религиозного философа, произведения которого представляют собой систему взглядов, основанных на индивидуальном понимании истории и ее взаимодействия с современной действительностью. Это особое отношение к Мережковскому формируется в 1920–30-м гг., когда актуализируются темы «бегства», «жизни вне / без родины в ином чуждом пространстве».

Переход Мережковского из чисто художественной области к пограничным жанровым формам (религиозно-философское эссе с элементами биографии — «Наполеон», 1929; «Данте», 1939) позволял критикам определить его как религиозного философа. Статья К. Раудиве, который называет Мережковского «религиозным человеком» (“D. S. Merežkovskis — reliģiozais cilvēks”), указывает на подобный поворот в оценке сочинений писателя.

В статье Раудиве определяет жизненный путь Мережковского и его деятельность как путь через человека к Богу, направленный к преодолению человеческого бытия и ищущего выход во вне-временное/внеисторическое измерение:

Люди великого духа никогда не могли смириться с существованием, для них жизнь является жизнью, если в ней можно быть свободным. Дух, который в лабиринте материи освещает путь, может даровать нам истинную свободу, нашим мыслям дать цель, нашим чувствам — силу, нашей жизни — смысл <...> Путь <...> только для тех, кто верит в Бога как в высший смысл собственной жизни <...> Религиозные люди сейчас — редкость <...> Один из них — Дмитрий Мережковский, для которого жизнь была путешествием через человека к Богу. Вся его жизнь была борьбой против Сатаны, против материализации зла в человеке, его сознание было захвачено идеями богоче-

⁴ См. вступительную заметку Аугуста Мелналксниса (Augusts Melnalksnis) к переводу романа «Александр I» (“Aleksandrs I”, 1928) [Melnalksnis: 3]. См. также также рецензии Харальдса Элгастса (Haralds Eldgasts) и А. Упитса (Andrejs Upīts) в газетах “Latvija” и “Dzimtenes Vēstnesis” на перевод глав романа «Юлиан Отступник» (“Julians Atkritējs”), А. Розенталья на перевод романа «Петр и Алексей» (“Pēteris un Aleksejs”).

ловечества. То, что начали Соловьев, Достоевский и Толстой, Мережковский закончил как непоколебимый апостол богочеловечества, вместивший в свое сознание не только плоды русской культуры до ее духовной гибели, но и, в большей степени, все, что даровала миру христианская культура. Его сознание принадлежало всем векам и в нем, как в божественной призме, отражалась мировая душа⁵ [Raudive: 39–40].

Сборник Раудиве «Восстановители эпохи» (“Laikmeta atjaunotāji”, изд. в 1976 г.) состоит из разных критических очерков. Здесь писатель представляет читателю имена значимых людей, оказавших, по мнению автора, влияние на формирование единой системы представлений о XX в.

В монографии «Константин Раудиве» Петерис Зейле отмечает, что «философская концепция <К. Раудиве> <...>, его система ценностей заключала в себе синтезирующий взгляд на жизнь, поиск смысла существования, определение хаоса и бессмысленности, критику антигуманизма — на фоне широких экскурсов в европейскую культуру»⁶ [Zeile: 15].

Подобный художественный опыт, направленный на синтезирование и сведение в одну смысловую доминанту, проявляется и в творчестве Мережковского. Писатель писал в предисловии к «Вечным спутникам»: «Это соединение столь различных имен

⁵ “Liela gara cilvēki ar eksistenci vien nekad nav varējuši samierināties, tiem dzīve, ja tanī var brīvi justies. Gars, kas matērijas labirintā apgaismo ceļu, mums var dāvēt īsto brīvību, mūsu domām piešķirt mērķi, mūsu jūtām — intensitāti, mūsu dzīvei — jēgu <...> Ceļš <...> tikai tiem, kas Dievam tic kā savas dzīves augstākam mērķim <...> Reliģiozie cilvēki mūsdienās ir retums <...> Viens no tādiem ir Dimitrijs Merežkovskis, kam dzīve bija ceļojums caur cilvēku uz Dievu. Visa viņa dzīve bija cīņa pret Sātanu, pret ļaunuma materializāciju cilvēkā, viņa apziņa bija atvērta dievcilvēcības idejai. Ko Solovjevs, Dostojevskis un Tolstojs bija sākuši, to viņš pabeidza kā viens no nesatricināmākiem dievcilvēcības idealistiem, kas savā apziņā ietilpināja ne tikai to, ko Krievijas kultūra pirms savas garīgās bojā ejas bija radījusi, bet lielā mērā arī to, ko visa kristīgā kultūra bija dāvājusi pasaulei. Viņa apziņa piederēja visiem laikiem un tā, kā dievišķa prizma, sevī atspoguļoja vispasaules dvēseli”.

⁶ “Viņa filozofijas koncepcija <...>, vērtību sistēma ar sintezējošu skatījumu uz dzīvi, dzīves jēgas meklējumi, haosa un bezjēgas esamības, antihumānisma kritika. Plaši ekskursi Eiropas kultūrā”.

в одну семью, в одну галерею портретов <...> Читателю откроется не внешняя, а субъективная, внутренняя связь в самом я, мирозерцание критика» [Мережковский 1995: 353].

В «Восстановителях эпохи» Раудиве представляет ряд критических статей-очерков как попытку понять природу исторических событий первой половины XX в. Он пишет во вступительной статье («Отчего хаос?» — “Kādēļ mūsdienu chaoss?”):

ярчайшие проявления современной культуры, которые, несмотря на некоторые позитивные начинания и смелые попытки вырваться из духовного хаоса <...>, решают вопросы жизни с земных, человеческих позиций, ограничивают человеческую сущность им самим, ставят ее в зависимость от материалистических условий, стирая в человеке божественный принцип, отделяя человека от его метафизических начал, <такие проявления> необратимо пришли к ответам, скрывающим в себе черные бездны безысходности⁷ [Raudive: 5–6].

Императив всего сборника направлен на исследование христологической составляющей в истории европейской мысли. В нем представлены статьи о воззрениях Л. Н. Толстого («Основное условие обновления: пример Льва Толстого» — “Atjaunošanās pamatnoteikums: Ļeva Tolstoja piemērs”), Анри Бергсона («Анри Бергсон — реставратор метафизики» — “Anri Bergsons — metafizikas atjaunotājs”), Мигеля де Унамуно («Агония эпохи и ее мыслитель — Мигель де Унамуно» — “Laikmeta agonija un tās domātājs — Migels de Unamuno”) и других. Завершает сборник очерк «Христианская Европа и ее духовная реальность» (“Kristīgā Eiropa un tās garīgās realitātes”). Этот текст вбирает в себя все те смысловые доминанты, которые автор рассмотрел в отдельных статьях сборника.

Творчество Мережковского Раудиве напрямую соотносит с историческими событиями России и Европы, рассматривает его в тесной связи с судьбами европейской цивилизации:

⁷ “Analizējot dažas spilgtākās mūsdienu kultūras parādības, kas spīti dažam pozitīvam iedīglim un drosmīgam mēģinājumam izklūt no garīgā chaosa <...> aiz gribas dzīves problēmas risināt no zemes cilvēka viedokļa, ierobežojot cilvēcisكو parādību viņa paša lokā, atkarīgu no materiālistiskiem apstākļiem, izdzēšot cilvēka apziņā dievišķo principu, atvienojot to no viņa metafiziskajiem sākumiem, neglābjami nonācis pie atrisinājumiem, kas sevī slēpj melnus bezizejas bezdibeņus”.

Религиозное сознание Мережковского формировалось в религиозной и политической борьбе России, породившей хаос октябрьской революции 1917 г., в котором окончательно решалось, чья власть — Христа или Антихриста — восторжествует. Русское религиозное сознание, полное первобытной силы, его поиски Бога, напоминающие религиозное безумство, вместило в себя несовместимые противоречия <...> радикальная религиозность, идея абсолютного христианства доведена до последнего предела <...>, но <русское сознание> неизменно соскальзывает на противоположный полюс — в антирелигиозность и демонологию, в самый грубый атеизм и богохульство <...>. Русская душа формировалась в идее Христа и Антихриста, оба этих направления наполнены первобытной силой <...>, оба революционны в своей сущности, и оба иррациональны <...> Русская душа, как магнит, притянула к себе самые чувствительные европейские души⁸ [Raudive: 41–42].

Раудиве рассматривает целый ряд публицистических работ Мережковского начала века и эмиграции. Это было продиктовано общей направленностью сборника, в котором критик анализирует историческую ситуацию, сформировавшуюся к концу первой половины XX в. В самом начале Раудиве обращается к статье Мережковского «Земля во рту» (1909):

Святой Христофор не узнал младенца Христа, которого нёс на плечах. Не так же и Россия, слепой великан, не видит, кого несёт, — только изнемогает под страшной тяжестью, вот-вот упадёт раздавленная? Не видит Россия, кто сидит у неё на плечах, — младенец Христос или щенок антихристов [Мережковский 2000a].

⁸ “Merežkovska reliģiozā apziņa veidojusies tai reliģiozajā un politiskajā Krievijas cīņā, kas 1917. g. oktobra revolūcijā eksplodēja chaosā, kur izšķīrās Kristus vai Antikristus valstība. Krievijas reliģiozā apziņa pilna dinamiska pirmspēka, tās Dieva meklēšana atgādina reliģiozu ārprātu, tā sevī ietilpinājusi nesalīdzināmus pretstatus <...> visradikālākā reliģiozitātē, visabsolūtākā kristietības ideja novesta līdz tās galējai robežai <...> bet nenovēršami pārslīd pretējā polā — antireliģiozitātē un daimonoloģijā, visrupjākā ateismā un Dieva zaimošanā <...> Krievu dvēsele veidojusies Kristus un Antikrista idejā, abi šie virzieni pielādēti ar dinamisku pirmspēku <...> Abi šie virzieni ir revolūcionāri savā būtībā, abi ir irracionālas dabas <...> Krievu dvēsele kā magnēts pievilksusi jūtīgākās Eiropas dvēseles”.

Или из статьи «В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве»:

Увы, я все это пишу, как на тонущем корабле пишут письмо, чтобы запечатать в бутылку и бросить в море: авось доплывет до земли и кто-нибудь прочтет, когда писавшего уже не будет в живых. Ибо сознаю, что никогда и нигде до такой степени, как сейчас в России, не была опрокинута, вывернута наизнанку религиозная истина о революции. Все, что можно было сделать, сделано, чтобы доказать, что религия есть реакция и революция есть антирелигия [Мережковский 2000b].

Раудиве сохраняет историческую перспективу и хронологическую последовательность Мережковского — ощущение того, что наступает Царство Антихриста. Критик также использует статьи из сборника писателя «Царь и революция» (1907), например, «Предисловие к одной книге»:

Мы — ваша опасность, ваша язва, жало сатаны или Бога, данное вам в плоть. Вы ещё от нас пострадаете, но, в последнем счёте, к общему благу, потому что мы друг другу нужны, как левая рука нужна правой <...> Русская революция — всемирная. Когда вы, европейцы, это поймёте, то броситесь тушить пожар <...> Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжём вас [Там же: 145, 147].

Напомним, что 1907 год — время, когда Мережковский твердо убежден в необходимости «революции Духа». В 1921 г. в Париже писатель опубликовал статью «Царство Антихриста. Большевики, Европа и Россия», в которой подчеркнул: «Европа всё ещё гадает: будет или не будет всемирная революция? Она уже есть: запах её надо всю Европою, как запах серы перед извержением вулкана» [Мережковский 2001: 18]. Анализируя эту статью, Раудиве писал:

Всё, что было сказано Мережковским, — это проповедь перед глухими: те, кому нужно было слышать больше всего, слышали меньше всех <...> Гибель Европы Мережковский видел в атеизме <...> Для Европы христианство — миф, но конец христианства — это конец Европы⁹ [Raudive: 45–46].

⁹ “Viss, ko Merežkovskis teicis, ir teikts kurlām ausīm, un kam visvairāk bija jādzird, tas vismazāk dzirdēja <...> Merežkovskis Eiropas bojāeju redzēja ateismā <...> Eiropai kristietība ir mīts, bet kristietības beigas ir Eiropas beigas”.

В цитате отразился свойственный для всей латышской эмиграции прием переноса исследуемой ситуации на свою собственную биографию (так происходит, например, и в статьях Зенты Маури-ни¹⁰). Раудиве сравнивает свое положение с положением русского писателя и приходит к выводу, что эмиграция его задушила. «Бедность, одиночество и несправедливости <...> Мережковский верил — мы больше верить не способны»¹¹ [Raudive: 47]. Во всей трагедии мироздания — трагедия христианства. Лишь в вере человечество может преодолеть свой главный страх — страх смерти.

Сравнивая Мережковского с Толстым, Раудиве использует понятия смерти и Воскрешения. По его мнению, если есть смерть, то другого ничего нет; только религия может победить смерть; если хоть один человек способен победить смерть, то все человечество способно; если для одного эта победа — реальность, то для других — возможность. В противном случае — все есть нуль, минус-бытие: «Воскресение — это переход материи из органического состояния в сверхорганическое <...> Таким образом, мы не можем осознать, что наш разум находится в плену органической материи»¹² [Там же: 52].

По мнению Раудиве, Толстой не смог понять эту мистерию. Хотя внутренне Мережковский выводит свою систему из представлений Толстого (см.: [Там же: 53]), но решает ее по-другому. Критик отмечает: Толстой считал, что «жить в христианском духе, важнее, чем ломать голову над проблемой Воскресения <...> Мережковский отвечает, что если Воскресение в христианстве уничтожено, то нет смысла ни учить христианскому духу, ни жить в нем»¹³ [Там же].

¹⁰ См., напр.: *Мауриņa 3. Упрямство: Сб. эссе (Mauriņa Z. Spīts. Esejas. Vācija, 1949).*

¹¹ “Nabadzība, vientulība un beztiesiskums <...> Merezkovskis vēl ticēja, mēs vairs ticēt nespējam”.

¹² “Augšāmcelšanās ir matērijas pāreja no organiskā stāvokļa uz pārorganisko <...> Mēs nespējam tādēļ aptvert, ka mūsu prāts atrodas organiskās matērijas gūstā”.

¹³ “...dzīvot kristīgā garā svarīgāk nekā laužīt galvu par Augšāmcelšanās problēmu <...> Merezkovskis atbild, ja Augšāmcelšanās kristietībā iznīcināta, tad nav vērts nedz mācīt, nedz dzīvot kristīgā garā”.

Вера в Воскресение есть движущая сила всего христианства, — это кредо Мережковского (см.: [Raudive: 53]). Акт Воскресения выпадает из порядка природных явлений, выходит за рамки нашего понимания. Воскресение есть четвертая метаморфоза: Христос — конец трехмерного и начало четвертого измерения. Христианство — учение не о конце мира, но вера в беспредельного Бога. Таким образом может быть реализовано представление о конце исторического христианства. Оно преобразуется в эоне бесконечного Духа как воплощение Логоса — божественного откровения, открывающегося только в возможном признании и примирении человеческих ипостасей, воплощенных в Царстве Духа.

Эта матрица, представленная Мережковским во многих произведениях, выражается на уровне различных мотивов, например, двойничества (противопоставления двух героев-антагонистов) и двоения одного и того же персонажа (см.: [Михайлова 2010]).

В размышлениях Мережковского Раудиве видит стремление к Воскресению как неотъемлемому императиву человеческой истории: «Пока учение Христа остается мертвой догмой, застывшей буквой закона, человечеству не дожидаться самого Христа — божественный смысл вечной жизни <...> будет скрыт от него»¹⁴ [Raudive: 54]. Задача Мережковского, по мнению критика, состояла в том, чтобы синтезировать в своем литературном подходе различные элементы культуры, исторические эпохи с их религиозной составляющей: «Борьба Мережковского за религию — это поиск высшего смысла жизни»¹⁵ [Там же: 51].

Важно отметить, что для латышских читателей Мережковский в значительной степени является основным транслятором и интерпретатором идей Достоевского. В этой связи более понятным в статье Раудиве становится противопоставление Мережковского Толстому. В статье не раз упоминается имя Мережковского вместе с именем Достоевского (напр., см.: [Там же: 40, 42]). По нашему предположению, интерпретация Мережковским творчества Достоевского стала для латышской культурной среды во

¹⁴ “Kamēr Kristus mācība paliks tikai nedzīva dogma, sastindzis likuma burts, tik ilgi pasaule Kristu nesagaidīs, tik ilgi tai paliks apslēpta tā dievišķā jēga par mūžīgo dzīvību <...>”.

¹⁵ “Merežkovska cīņa par reliģiju ir augstākās dzīves jēgas meklēšana”.

многом определяющей¹⁶. Такому отношению, безусловно, способствовала популярность книги Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», в том числе, ее немецкого перевода (см.: [Коренева]). Здесь необходимо учитывать влияние русской и немецкой культуры на развитие латышской литературы в первой половине XX в.

Характер латышского литературного процесса, поиск новых художественных путей в рамках молодой культуры вписывались не столько в русский, сколько в общеевропейский культурный опыт. Представление о Мережковском, которое формируется в латышской литературной среде, можно представить как пограничное между неприятием писателя среди других литераторов и его европейской значимостью и популярностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Коренева: *Коренева М. Ю.* Судьба книги Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» в Германии // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. СПб., 2003. С. 57–64.
- Мережковский 1995: *Мережковский Д. С.* Вечные спутники // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
- Мережковский 2000а: *Мережковский Д. С.* Земля во рту // Мережковский Д. С. Не мир, но меч. Харьков; М., 2000. С. 556–566.
- Мережковский 2000б: *Мережковский Д. С.* Предисловие к одной книге // Мережковский Д. С. Не мир, но меч. Харьков; М., 2000. С. 144–148.
- Мережковский 2001: *Мережковский Д. С.* Царство Антихриста. Большевики, Европа и Россия // Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 5–32.
- Михайлова 2010: *Михайлова И.* Принцип двоения в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. СПб., 2010. С. 321–325.

¹⁶ Интересным представляется воспоминание латышской писательницы Зенты Маурини, автора монографии о творчестве Ф. Достоевского (см.: *Dostojevskis: cilvēkatveidotājs un Dieva meklētājs, 1933–1935*), о том, что Мережковский является самым значительным и глубоким интерпретатором и самым верным последователем Достоевского (см.: [Mauriņa: 247]).

- Burima: *Burima M.* Modernisma koncepti 20. gadsimta sākuma latviešu literatūrā. Rīga, 2011.
- Dzeltniņš: *Dzeltniņš V.* Ievadam // Merežkovskis D. S. Dekabristi. Rīga, 1927. 5–14.
- Mauriņa: *Mauriņa Z.* Trimdas tragisms Merežkovska pēdējie gadi // Mauriņa Z. Spīts. Esejas. Vācija, 1949. 247–259.
- Melnalksnis: *Melnalksnis A.* Ievadam // Merežkovskis D. Aleksandrs I. Rīga, 1928.
- Raudive: *Raudive K.* D. S. Merežkovskis — reliģiozais cilvēks // Raudive K. Laikmeta atjaunotāji. Bruklina, 1976. 39–54.
- Sproģe, Vāvere: *Sproģe L., Vāvere V.* Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras “sudraba laikmets”. Rīga, 2002.
- Vārdaune: *Vārdaune Dz.* Raudive Konstantīns // Latviešu rakstniecība biogrāfijās. Rīga, 2003. 478.
- Zeile: *Zeile P.* Konstantīns Raudive. Rīga, 2009.